

135

2572.

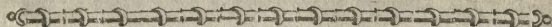
H-8°
79-B

Вольтер Ф. М.

3-й экз.

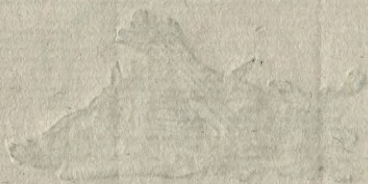

ТАКТИКА.
СОЧИНЕНІЕ
Г. ВОЛТЕРА,
КОТОРОЕ
предложилъ
ВЪ РОССІЙСКІЕ СТИХИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА
БАККАЛАВРЪ
ЕРМИЛЪ КОСТРОВЪ.
Ноября 12. дня 1779 года.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи.

ТАКТИКА
СОВМѢЩЕНІЕ
И ВОДЪ
КОТОРОЕ
ПРЕДЛОЖЕНО
ВЪ ВОЕННЫЕ ЦѢЛИ
НАУЧНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ
ВЪ 1844 ГОДУ
ИЗДАНО ПО СЛѢДСТВІЮ
ПРИКАЗА КОМПЕТЕНТНЫХЪ
ВЪСЛѢДСТВІИ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ 1844 ГОДУ

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ТАКТИКА.

На дняхъ прошедшихъ я Каиля навѣспилъ,
И для чего? онъ мой книгопродавецъ былъ;
Не рѣдко у него пространные анбары
Хранятъ бездѣлицы и издорные товары.
Я книгу новую, сказалъ онъ мнѣ, досталъ,
Для смертныхъ нужную, достойную похвалъ;
Въ ней съ мудростью цвѣты красотъ соединились,
И спѣшитъ, чтобъ по ней всѣ смертные учились;
Мы счастье чрезъ нее возможемъ основать,
Зовется Такпикой, изволь ее принять.

Какъ, Такпикой? а я досель сего названья
Не зналъ, не зналъ равно его знаменоваѣя.

Но мнѣ въ опѣшѣ Каиль! названіе сіе
 Имѣетъ въ Галліи отъ Грековъ бытіе,
 И значитъ самую науку превосходну,
 По преимуществу науку безподобну,
 Высокихъ разумовъ и знапныхъ всѣхъ мужей
 Желанья совершить не трудно можно ей. „

Купилъ я Такпику, и читалъ себя блаженнымъ,
 Мня способъ въ ней сыскать, какъ бытъ мнѣ совершен-
 (нымъ,
 Чтобъ вѣкъ мой продолжитъ и горестъ уладитъ,
 Умѣритъ прихоти, и мысли просвѣтитъ;
 Чтобъ необузданны желанія и страсти,
 Разсудка здраваго подвергнувъ мудрой власти;
 Чтобъ должну честь являть и справедливость всѣмъ,
 Однако чтобъ не бытъ обмануту ни кѣмъ.
 Такъ мня о Такпикѣ отъ всѣхъ я удаляюсь,
 Прилѣжно чту ее, и въ томъ лишь упражняюсь,
 Дабы на память мнѣ ссей книги смыслъ познать,
 Друзья! наука та, какъ ближнихъ умерщвлять.

Узналъ я, что Монахъ, особа шель святая,
 Селистру съ сѣрою смѣшавъ и растопляя,
 Нечаянно для насъ злой порохъ изобрѣлъ,
 И опалившись имъ, онъ больше почернѣлъ.
 Узналъ я, что ядро, чтобъ ниже опуститься,
 Такъ должно вверхъ сперва не много успремиться,

И что изъ мѣдныхъ жерла въ минушу смерти леща,
 Параболу своимъ полетомъ начерта,
 Двама ударами, копоры звѣрски руки
 Направлятъ съ хитростью другимъ на злоспны муки,
 Сто синихъ Автомагъ разположенныхъ въ строй
 Опровергаетъ другъ, и рушитъ въ прахъ земной;
 Ружье, кинжалы, мечъ, штыки острокопечны,
 И всѣ орудія, копя безчеловѣчны,
 Все хорошо для насъ, и все къ добру ведетъ,
 Полезно все, когда что колетъ и сѣчетъ,
 Подобныхъ намъ самимъ искусно убиваетъ.

По семъ ночныхъ воровъ писатель представ-
 (ляетъ,
 Что чрезъ подземный путь не бивши въ барабанъ,
 Всегда молчаніемъ скрывая свой обманъ,
 Мечи и лѣстницы неся чрезъ тьму густую,
 Нечаянно мертвятъ тамъ спражу всю ночную;
 На стѣны города въ безмолвіи возшедъ,
 Гдѣ спятъ всѣ жилили не опасаясь бѣдъ,
 Ихъ дома рушатъ въ прахъ огнемъ или мечами,
 Мужей и чадъ мертвятъ, ложатся спать съ женами,
 И утормясь потѣмъ отъ ревностныхъ трудовъ,
 Чужое пьютъ вино при грудахъ мертвецовъ,
 На завтра въ храмъ съ усердіемъ стремятся,
 Хвалу воздашь Творцу за подвигъ славный пицатся,

И По-латынѣ пѣснь молебную поюшѣ,
 Защитникомъ его себѣ достойнымъ чшутѣ,
 Что безъ руки его, вѣщаютъ всѣ не должно,
 Взяшъ городѣ и сожечь имѣ было не возможно,
 Что грабить, убивать никтобѣ изъ насѣ не могѣ,
 Когдабѣ не помогалъ намѣ въ томѣ всецѣдый Богѣ.

Я спранны пораженѣ наукой полѣ хвалимой,
 Кѣ Кандю побѣждалѣ, и ужасомѣ пѣсенимой,
 Немедленно сію я книгу возврашялѣ,
 И сѣ гнѣвомѣ понося его, проговорилѣ.

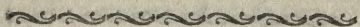
Поди о сапаниѣ книгопродавецѣ лютый.
 Сѣ твоею Тактикой, не медля ни минушѣ,
 Вѣ жилище, гдѣ Де, Тотѣ продерзости примѣрѣ,
 Гдѣ вѣ Савафеево сей имя изувѣрѣ,
 Ведетѣ Махометанѣ вѣ Иисусовы предѣлы,
 И пушекѣ множествомѣ покрывши Дарданелы,
 Ихѣ учитѣ убивать Христовѣ носящихѣ крестѣ;
 Поди кѣ профеемѣ ты кровавыхѣ оныхѣ мѣстѣ,
 Гдѣ гнѣвный виденѣ слѣдѣ Румянцова, Орлова,
 Поди кѣ рушителямѣ Бендерѣ, или Азова,
 Иль паче кѣ Фридриху спремись ты сѣ книгой сей
 И будь увѣренѣ вѣ томѣ ты мыслію своею,
 Что лучше знаетѣ онѣ сей прѣвила науки.
 Не сочинитель твой на злѣйши смертныхѣ муки,

Но

Но самой сатана его тому училъ.
 Въ наукѣ сей его примѣромъ свѣтъ почпилъ,
 Какъ смертныхъ убивать и кровию ихъ мыться:
 Евгений и Густавъ не могутъ съ нимъ сравниться.
 Поди, я признаюсь, и истинно не лгу,
 Что я тому никакъ повѣрить не могу,
 Чтобъ человѣкъ, (когда, минуша неизвѣстна,)
 Изшелъ изъ рукъ благихъ зиждителя небесна,
 Дабы Всевышняго полъ дерско озлоблять,
 И столько ярости и странныхъ дѣлъ являть.
 Мы безъ оружія, лишь съ десятию перстами,
 Не созданы, чтобъ вѣкъ свой прекрадали сами:
 Необходимостью и рокомъ злыхъ временъ
 Уже онъ безъ того довольно сокращенъ.
 Песчаной пѣны сокъ, дитя подагры злое,
 И множество мокротъ въ кремень попомъ слепое,
 Что страшной каменной болѣзнію зовемъ,
 Чахотки разныя и жгуца скорбь огнемъ,
 И прочихъ тысячи недуговъ злыхъ и бѣдствій,
 Обманы, клеветы, творцы печальныхъ сѣдствій,
 Иль мало горестей влекутъ на шаръ земли,
 Хоплятъ военной мы науки не нашли?

Опѣ

Отъ Кира до Царя, что въ лавроносной славѣ,
 Содѣлалъ Ленгуловъ, (а) собой въ своей державѣ,
 Я ненавижу всѣхъ Героевъ имена,
 Пусть хвалятъ ихъ дѣла, пусть славятъ времена;
 Что до меня, отъ нихъ со страхомъ убѣгаю,
 И къ чорту самому въ жилище посылаю.

Толь смѣло говоря, увидѣлъ я въ углу,
 Что оспрой молодецъ внималъ мою хулу;
 Мундиръ его имѣлъ два почно Эполета,
 Сколь чиномъ онъ великъ, то знакъ, или примѣта,
 Смѣлъ взоръ его, однакъ не лютъ, спокоенъ, милъ,
 И качества его души въ себѣ носилъ,
 И словомъ, Тактики былъ это сочинитель.

Я знаю, мнѣ сказалъ премудрый сей учитель,
 Что для Філософа полъ престарѣлыхъ лѣтъ,
 Какъ ты, что весь себѣ друзьями числишь свѣтъ,
 И жизнь спокойную всему предпочитаешь,
 Войны кровавыя, трофеи презираешь,
 Жестокимъ кажется законъ науки сей,
 И отвращеніе родинѣ въ душѣ твоей.

По

(а) Король Прусской собственнымъ своимъ при-
 мѣромъ сдѣлалъ искусными своихъ полковод-
 цевъ.

По правдѣ ремесло мое безчеловѣчно,
 Но крайню нужду въ немѣ мы чувствуемъ конечно.
 Чрезъ мѣру золѣ рожденъ на свѣтѣ человекѣ,
 Злой Каинѣ брашнюю свирѣпо жизнь пресѣкѣ,
 И наши братія Сармашы, Визиготы,
 Отъ спранѣ Донскихъ съ собой приведши сильныя фло-
 Секванскихъ береговѣ не смѣлибѣ раззорятъ, (шы,
 Коль Римску Тактику мы дущчебѣ стали знать.
 Я храбрымъ воиномъ рожденъ, самѣ воинѣ равно,
 Стараюсь правила предписывать исправно;
 Не ближнихъ разграблять, но сохранять себя.
 Мой другѣ, ужѣ ли то пропивно для тебя,
 Что щадятся изобрѣсть тебѣ въ задишу средства?
 Спокоенѣ будешѣ ли не ощущая бѣдства,
 Когда твои поля и домѣ, и все что въ немѣ
 Нечаянно сожжетѣ свирѣпой Готтѣ огнемѣ?
 Надежными твоей скотѣ хранишься долженѣ псами,
 Чтобѣ небылѣ расхищенѣ на паствѣ онѣ волками.
 Есть безѣ сомнѣнiя законныя войны,
 И зломѣ не все дѣла геройски почтены;
 Ты самѣ, какѣ говорятѣ, средѣ пишины, покоя,
 Пѣлаѣ громки дѣйствiя (6) Беарнскихъ спранѣ Героя.
Онѣ

Онъ право защищалъ рожденя своего;
Онъ правъ, виновны все противники его.
Пусть говорить о семъ героѣ перестанемъ,
Но дня Фонтенао ужель не вспомняемъ?
Какъ Легеонъ солдатъ Британскихъ ободренъ,
Толь смѣло чрезъ полки Французскихъ шелъ знаменъ?
Счастливой весельчакъ! Ты колкими рѣчами
Внупръ града велъ войну съ учеными умами,
Привыкши съ прочими Госсену (в) обожать.
Ты шелъ въ театръ, дабы съ ней зора не спускать,
Иль дарованя ты игроковъ и свойства
По волѣ тамъ судилъ, не зная беспокойства.
Но ты, и весь Парижъ, и словомъ весь Парнассъ,
Что бѣ здѣлать вы могли чудеснаго для насъ,
Когда бы Людовикъ особой самъ своею
Не поспѣшилъ на мостъ Калонны въ страхъ злodingъ?
И тѣ, что гроша два награды въ день берутъ,
И Кесарями себя неробкими зовутъ,
Когдабъ съ Британцами охотно несразились,
Которы къ намъ пришли, но въ домъ не возвратились?
Ты знаешь, кто любя звукъ славы и похвалъ,
Съ тремя лишъ пушками поѣду одержалъ,

Намъ

(в) слапная Актриса.

Намъ кровію она доставлена Граммона,
 Разумнаго Люпто, и юнаго Краона.
 Но вашихъ шумное соборище головъ
 Гремѣло между тѣмъ сложеніемъ стиховъ,
 Или подвеселясь, съ насмѣшкою презною,
 Ругались шло въ театрѣ Меропой, Сирошою;
 Коль Марсѣ и Аполлонѣ оружіе берутъ,
 Коль цѣрковь, дворъ, мѣста судебны брань ведутъ,
 Саббатьеръ (г) и Клеманъ въ углу, но при опвагѣ,
 Противу лучшихъ музъ воюютъ на бумагѣ;
 Позволь, чшобъ и солдатъ науку шу хвалилъ,
 Что славу Франціи и крѣпость нашихъ силъ
 Чрезъ многи времена собою ограждаетъ,
 И гражданъ мирное спокойство утврждаетъ.

По увѣщаньи семъ Гюбертъ мой умолчалъ,
 Умолкъ и я, и что отвѣтствовать незналъ.
 Я силѣ здраваго разсудка покорился,
 Что выше всѣхъ наукъ война, съ нимъ согласился.
 И что Бурбона онъ съ Баіардомъ (д) описавъ
 И счастливымъ перомъ ихъ мысли начерпавъ,

До-

(г) Худые Французскіе Писатели.

(д) Г. Гюбертъ сочинилъ трагедію, Бурбонъ,
 пѣ

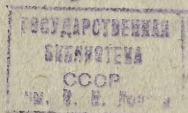
Достоинъ есть, чѣмъ бытъ онъ дѣломъ предводишель
Въ наукѣ, коей онъ лишъ умственный учитель.

Но я опкроюсь вамъ, что я молюсь всегда,
Чѣмъ не было такой науки никогда,
Чѣмъ правда въ мѣръ ввела спокойствіе жеханно,
Отъ Римскаго Попа гонимо и погранно.

*въ которой онъ плагаетъ въ уста Байярду чрезы-
чайныя мысли.*

МК III - 2339

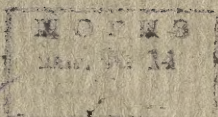

2365-77

5.

~~24 Feb 15~~

1-

1914-75

